

С. Я. ЛУРЬЕ, Очерки по истории античной науки. Греция эпохи расцвета. Издание АН СССР, 1947, 402 стр.

Общий характер данной работы сформулирован самим автором в предисловии, в котором он сообщает читателям о своем подходе к античной науке вообще. Автор говорит, что он своей работой продолжает тот подход, который был у ученых эпохи Возрождения и который «затем был надолго заброшен для того, чтобы возродиться в чрезвычайно поучительной, хотя и несколько фантастической и гиперболической работе Левенгейма» (стр. 6).

Автор предлагает вычеркнуть триста лет развития науки, прошедшие с эпохи Возрождения, и вернуться к точке зрения Дж. Бруно и Фр. Бэкона, как это сделал немецкий ученый Левенгейм в своей работе, вышедшей в 1914 году.

Центральное место в книге С. Я. Лурье занимает Демокрит, которому посвящена половина всей работы (стр. 129—291). Особый интерес вызывает у читателя заявление автора, что ему удалось расширить собрание отрывков Демокрита Г. Дильса «более чем в два раза» и что на основании этого нового материала, впервые привлеченного им, С. Я. Лурье, «реконструкция учения Демокрита должна существенно измениться». Но читателя ждет разочарование. Такого нового материала, который внес бы ценные существенные изменения в реконструкцию учений Демокрита, он в книге С. Я. Лурье не находит. Очень легко увеличить более чем в два раза материал, относящийся к древним философам. Дело в том, что филологическая и историческая критика нескольких поколений ученых, главным образом, в XIX веке отвергла многие свидетельства, как недостоверные, подложные, искаженные. Задача заключалась в выделении наиболее ценного, наиболее достоверного материала. Расширять этот материал за счет того, что было отброшено, есть неблагодарная задача, которая не стоит затрачиваемого на нее труда.

Некритическое отношение С. Я. Лурье к древним свидетельствам привело к тому, что он расширил источники за счет более поздних свидетельств, фальсифицирующих и искажающих Демокрита. В частности магический элемент в учении Демокрита, который столь обширен у С. Я. Лурье, идет от подложных псевдо-демокритовских сочинений Бола. С. Я. Лурье превозносит Демокрита, как самого выдающегося ученого древней Греции эпохи расцвета, выводит его как центральную фигуру всей науки этой эпохи, но на деле, вследствие приписывания ему на основании псевдо-демокритовской литературы, магических представлений (симпатической магии и др.) он снижает Демокрита до ряда, мыслящего «дологически». Даже элементы (атомы) Демокрита представлены у С. Лурье как дань магии («здесь он восходит к древнейшим магическим представлениям», стр. 15). С другой стороны, излагая учения Демокрита, С. Я. Лурье привносит в толкование учений Демокрита кое-что от высшей математики нового времени, приписывает Демокриту такие понятия, как дифференциалы dx , dy , dz , говорит о «молекулах» воздуха у Демокрита и т. п.

Работа С. Я. Лурье устарела как в своем принципиальном подходе к изучаемому предмету, так и в своем некритическом отношении к источникам. Она тянет нас в далекое прошлое, хочет вернуть нас к давно пройденному этапу научной мысли.

В силу ошибочной методологии и засоренности доксографического материала недоброкачественными источниками, результаты исследований С. Я. Лурье оказались не менее «фантастическими и гиперболическими», чем у его учителя Левенгейма.

В чем заключается новая даваемая С. Я. Лурье реконструкция учений Демокрита? Начала всего существующего суть «нуль» и «уль». Нуль—пустота, которая мыслится лишь потенциально, как нечто, способное вместить большее или меньшее количество материи. Она существует только как возможность вместить тело (стр. 188). Пустота у Демокрита, по словам С. Я. Лурье, в сущности лишена протяженности, представляя собой нечто неопределенное (стр. 188). И тут же говорится, что эта демокритовская «пустота материальна». До «открытий» С. Я. Лурье пустота в системе Демокрита понималась как объективное реальное существование абсолютного пустого пространства в отрыве от материи. С. Я. Лурье «открыл», что пустота у Демокрита есть

нечто материальное, лишенное протяженности и являющееся не объективной реальностью, а только возможностью. Это не только нечто абсолютно неопределенное, но и непредставимое, «фантастическое» соединение противоречивых определений.

Не менее фантастичен и «уль». На стр. 197 С. Я. Лурье пишет: «В самом деле по существу демокритов атом не имел никаких атрибутов материи». Что же такое этот таинственный «уль»? В своем сочинении: «Демокрит» (1937 г.) С. Я. Лурье разъяснял, что атомы Демокрита—это «печочки точек», не имеющих ни верха, ни низа, ни переда, ни зада, ни правой, ни левой стороны. Теперь он говорит, что «атомы Демокрита были в сущности чистой материальной формой» (стр. 197). Но эта форма представляет собой форму чрезвычайно большого числа абсолютно бесформенных неделимых, не имеющих ни правой, ни левой, ни передней, ни задней стороны, ни верха, ни низа (стр. 168—169). Бесформенная неделимая, из которой «рождаются протяженные вещи», есть «чистый принцип протяженности» (стр. 169). Такая неделимая «точка» имеет минимальную протяженность. Естественно возникает вопрос: что это за протяженность, в которой нет ни верха, ни низа, ни правой, ни левой, ни передней, ни задней части? Это—некая протяженность нулевого измерения. Если эта «точка» имеет минимальную протяженность во всех направлениях, то она уже есть мельчайшее, микроскопическое тело. Если же она не имеет никакого измерения, то она—чисто геометрическая точка. С. Я. Лурье не принимает ни первого, ни второго решения, а ищет выхода в допущении какой-то туманной «бесформенности», о которой он сам говорит, что это—нечто «непредставимое» и что это не реальность, лишь чистый принцип. Но материя не может состоять из абстракций, из чистых принципов. Имеются у С. Я. Лурье и другие высказывания об «уле». На стр. 196 говорится, что «если пустота—это отрицание конкретного бытия, то сами атомы в сущности только отрицание пустоты». Пустота—«ничего», а атомы—«не ничего». И, наконец, на стр. 197 С. Я. Лурье утверждает, что демокритов атом «имеет все атрибуты божества или души». Маленький «уль» в заключение становится божеством «Уль».

Не менее фантастически, чем «нуль» и «уль», выглядит у Лурье и третье основное понятие философской системы Демокрита—движение. В сущности, по реконструкции учения Демокрита, даваемой С. Лурье, в системе Демокрита нет самого процесса движения, нет процесса перехода с одного места пространства на другое.

«Тело (говорится на стр. 180) находится некоторое время на одной частице пространства, а затем внезапно на соседней». Движения на каждой частице нет, а есть только результат движения (стр. 182). Здесь С. Лурье приписывает Демокриту взгляд на движение, представителем которого был эристик Диодор Кронос (см. Zeller II, стр. 266—267), учивший, что вообще ни о чем никогда нельзя сказать: оно движется; можно только сказать: оно подвинулось. Диодор на этом положении построил свои четыре доказательства невозможности движения. С. Я. Лурье (в сноске на стр. 182) говорит, что Демокрит не отрицал движения атомов: по учению Демокрита атомы всегда находятся в движении. Каково же это движение атомов? С. Я. Лурье разъясняет, что это движение безвременное. Он пишет: «Время, затраченное телом на движение вдоль всего участка, равно сумме промежутков времени, затраченных на стoяниe, а время, затраченное на движение в промежутке между этими моментами (стояния), принимается равным нулю» (стр. 182, сноска). Таким образом, согласно реконструкции С. Я. Лурье, движения нет ни в пространстве (пространство состоит из частиц, в каждой из которых не может быть движения), ни во времени. «В данный момент n движущееся тело стоит на неделимом участке N , в момент $n+1$ движущееся тело сразу же стоит на неделимом участке $N+1$ и т. д.» (стр. 180). А где и когда происходит самый процесс перехода с участка N на участок $N+1$? Нигде и никогда! Неподвижность летящей стрелы в каждый отдельный момент (парадокс Зенона) «с точки зрения атомиста—простое констатирование факта» (стр. 180). Для процесс адвижения не оказывается места ни во времени, ни в пространстве, а если «уль» тем не менее всегда находится в движении, то это чудо можно объяснить лишь тем, что «уль» не имеет атрибутов материи, но имеет атрибуты божества».

На стр. 188 С. Я. Лурье говорит, что Демокрит определял пустоту как п р и ч и н у движения. Это неверно. Пустота постулируется атомистами лишь как н е о б х о д и м о е у с л о в и е для процесса движения. О причине же движения атомов по Демокриту бессмысленно ставить вопрос, ибо это изначальный факт, не пуждающийся в объяснении (атомам по самой их природе присуще вечное самодвижение).

Взгляды С. Я. Лурье на теорию познания Демокрита столь же сумбурны, как и его реконструкция атомистической онтологии. На стр. 164 Н. Я. Лурье пишет: «Демокритом была построена стройная и цельная система научного эмпиризма». На стр. 142 он говорит, что Демокрит был рационалистом, но не в философском, а в совершенно другом смысле. «Опыт он считал единственным источником познания. Его рационализм заключался в том, что он не допускал в окружающем нас мире каких бы то ни было необъяснимых противоречий: все эти противоречия он считал кажущимися..., а мир насквозь логичным» (стр. 141). Отрицание в мире противоречий, признание их только кажущимися, только «результатом неправильного толкования явлений» — это не рационализм, а м е т а ф и з и к а. Метафизик может быть и эмпириком (как Фр. Бэкон, следовать которому призывает С. Я. Лурье), так и рационалистом (как, например, Декарт). Но суть вопроса в том, как понимает С. Я. Лурье основные предпосылки философии Демокрита. Первой из этих предпосылок он считает п р и н ц и п с о н о м и и, который С. Я. Лурье характеризует как «замечательный принцип, являющийся крайним последовательным развитием материалистического рационализма» (стр. 144). Этот принцип С. Я. Лурье сформулировал так: «Все возможное, всякое наше логическое непротиворечивое представление существует материально» (стр. 144). В силу этого принципа все то, что можно помыслить, без логического противоречия, обязательно должно существовать в каком-либо из бесконечных миров (стр. 274). В частности, согласно этому принципу, всякая вещь должна иметь и свою противоположность (стр. 146); если где-либо существует какое-либо A , то должно где-нибудь существовать и не- A (стр. 184). Но ведь все это есть решительный антиэмпиризм, чистое логизирование, и на этой антиэмпирической основе С. Я. Лурье строит всю свою реконструкцию естественно-научных теорий Демокрита. С. Я. Лурье пытается убедить читателя, что «стройная и цельная система научного э м п и р и з м а» это есть то же самое, что «крайнее последовательное развитие материалистического р а ц и о н а л и з м а». Умозрительная метафизика с ее принципом: «все, что можно помыслить без логического противоречия, реально существует», у С. Я. Лурье выступает в качестве «стройного эмпиризма».

Неправильно С. Я. Лурье истолковывает сказанное Аристотелем о Демокрите: «В вечности нет разницы между возможностью и действительностью». По С. Я. Лурье это значит: все возможное логически существует реально в бесконечном пространстве и времени. Между тем здесь Аристотель излагает учение Демокрита в категориях своей философии и противопоставляет свою диалектическую точку зрения, согласно которой субъективная возможность может осуществиться и может не осуществиться, механическому детерминизму Демокрита, по которому о б ъ е к т и в н а я в о з м о ж н о с т ь (не чисто логическая мыслимость без противоречия, как толкует С. Я. Лурье) всегда должна осуществиться, а то, что не осуществляется, то и невозможно, поскольку то, что происходит, всегда неизбежно с м е х а н и ч е с к о й н е о б х о д и м о с т ь ю вытекает из предшествующего состояния материи.

Несмотря на данное в предисловии заявление о своей некомпетентности в истории философии, С. Я. Лурье берется не только за реконструкцию философских понятий древних, но идет и дальше к определению социального характера философских систем. Ясно, что только после того, как вскрыта с у щ н о с т ь той или иной философской системы, можно ставить вопрос о том, отражением какой социальной действительности, выражением каких классовых интересов она является. С. Я. Лурье отказывается от задачи философского анализа древних систем и с плеча рубит, высказывая свои мнения об их социальных корнях. Философии Гераклита С. Я. Лурье дает Такое смежотворное объяснение: это есть с п р о и ц и р о в а н и е в область метафизики п а р т и й н о й с к л о к и (стр. 67); даваемая автором характеристика философской системы Демокрита (стр. 130—131) сводится к «проекции»

античного общества и пережитков родового строя. Тут уже демокритовские атомы выступают как проицированные равноправные граждане, конкурирующие и борющиеся между собой. В результате демокритовские атомы у С. Я. Лурье—то цепочки точек, то сумма бесформенностей, то чистая материальная форма, то некие начала, наделенные божественными атрибутами, то проицированные социально-политические категории, т. е. все, что угодно, но только не то, что они суть на самом деле.

Способ аргументации С. Я. Лурье иногда страдает элементарными логическими ошибками. Так, например, на стр. 134 С. Я. Лурье доказывает свое положение свое й же собственной поправкой, вносимой в текст геркуланского папируса, т. е. делает логическую ошибку *circulus in demonstrando* (порочный круг).

Социология Демокрита в изложении С. Я. Лурье также полна ошибочных положений. Основное различие человеческого общества у Демокрита от стада животных автор усматривает в создании искусственных условий жизни, в частности искусственных орудий труда в социологии Демокрита ничем не подтверждается. Ни в одном известном нам источнике об этом не горорится. На стр. 266—267 С. Я. Лурье утверждает, что Демокрит якобы ставил животных выше человека и рекомендовал людям учиться у инстинктов животных. При этом С. Я. Лурье ссылается на свидетельство Элиана (НН. VI, 60) о рыскавании Демокрита о верблюдах. Однако в этом месте Элиана вовсе не говорится, что Демокрит рекомендует людям учиться у животных. Свидетельство Элиана говорит лишь о том, что Демокрит заинтересовался редким исключением в мире животных (стыдливостью верблюдов) и отыскивал причины этого необычайного явления.

Неубедительна полемика С. Я. Лурье с Г. Дильсом по поводу того смысла, какой надо вкладывать в формулы Демокрита: «В общей рыбе нет костей». Навивно думать, что Плутарх, живший пятьсот лет спустя после Демокрита, должен дать правильное истолкование этого изречения.

Следует отметить некоторые неточности у С. Я. Лурье в переводе греческих текстов. Так, например, на стр. 369 (сноска 5) неудовлетворителен перевод С. Я. Лурье выражения: «ἀποτόμῃ ἀπὸ τοῦ ἀπειροῦ». Демокрит и Эпикур этим выражением хотят сказать, что каждый отдельный мир представляет собой «отрезок от беспредельного». Беспредельное пространство с носящимися в нем беспорядочно атомами противопоставляется мирам. По аналогии с различием общинной земли и отрезками земли, ставшими частной собственностью, во вселенной различаются от общей бесконечности отдельные миры, окруженные, точно межами, твердыми оболочками, отделяющими их от окружающего их «беспредельного». Каждый отдельный мир есть как бы «отруб», «отрезок» (ἀποτόμῃ), обособившийся от этого беспредельного.

Перевод отрывка Аэция (IV, 19, 3) о звуке: «частицы воздуха скатываются в одно место с частицами звука»—неточен. Дословно это место переводится «воздух свертывается в одно целое с кусками от звука». Под звуком здесь, очевидно, разумеются истечения, исходящие от звучащего тела, которые на своем пути соединяются с обволакивающим их воздухом, и эти сгустки воздуха проникают в уши слушателей. Многочисленные куски, которыми свертывается воздух, служат для объяснения, почему множество лиц одновременно слышат одни и те же звуки. Образование этих сгустков воздуха, соединенных с истечением от звучащего тела, могло также служить объяснением, почему нами воспринимается целиком слово или фраза, а не отдельные «звукобуквы», из коих они состоят.

С. Я. Лурье пишет на стр. 291, что учение Демокрита не пользовалось широким успехом в Афинах, так как в то время в центре интересов стояли вопросы этики, вопросы человеческого поведения, а не отыскивание причин природных явлений. Это не объяснение, поскольку Демокрит написал восемь сочинений по этике, бывших в то время самыми замечательными произведениями литературы в этой области. Причину непопулярности Демокрита в Афинах надо искать в чем-то другом.

Мы остановились более подробно на том разделе книги С. Я. Лурье, которая трактует о Демокрите, так как в этой части С. Я. Лурье изучил большой материал источников. Что касается других философов, о которых идет речь в книге С. Я. Лурье, то суждения автора о них поверхностны, произвольны и порой наивны. Например, на стр. 226 С. Я. Лурье ставит такой вопрос Аристотелю: «А что приводит в движение «Перводвигатель»? Но дело в том, что перводвигатель в системе Аристотеля сам пребывает вечно неподвижным, и, следовательно, неуместно спрашивать о том, что его двигает.

С. Я. Лурье, как он сам об этом говорит, вслед за Бэконом и Левенгеймом, стремится показать, что Аристотель только по недоразумению попал в число творческих деятелей античного естествознания. И в качестве motto для первой части своей работы С. Я. Лурье берет цитату из Бэкона, в которой последний дает отрицательную оценку Аристотелю. Но в своем суждении о ничтожестве Аристотеля Фр. Бэкон исходил не из исторического Аристотеля, а из схоластического, выхолощенного Аристотеля, из которого, как указал В. И. Ленин, поповщина удалила все живое и подлинно научное, и заслугой Фр. Бэкона была борьба с этим Аристотелем, ставшим помехой в развитии науки. В настоящее время мы знаем подлинного Аристотеля, громадная историческая заслуга которого заключается в материалистической критике теории идей Платона и в научном материалистическом решении ряда вопросов философии естествознания. Этот Аристотель есть большая научная величина и не заслуживает пренебрежительной «бэконовской» оценки, возродить которую собрался С. Я. Лурье. Последний считает Аристотеля идейным последователем пифагорейцев (стр. 72), которые для него являются представителями религиозного мракобесия. Совершенно иную характеристику роли Аристотеля в развитии античной науки дают К. Маркс, Фр. Энгельс и В. И. Ленин, отмечающие его материалистические тенденции и называющие его всеобъемлющим, универсальным гением древнегреческой науки.

Нельзя согласиться с даваемой С. Я. Лурье общей характеристикой ионийской философии, к которой он относит милетскую школу, Гераклита и Ксенофана. Ионийская философия по С. Я. Лурье «такое же теоретическое умствование, такое же умозрение, как религиозная философия ее врагов: ионийские философы убеждены, что до всего решительно можно дойти, основываясь только на цепи логически построенных умозаключений» (стр. 49). Это неверно. Ионийская натурфилософия всюду исходит от чувственного опыта, от эмпирических данных, только этот эмпирический базис у нее еще узок. Представителями рационализма, строящими цепи логических умозаключений, являются элеаты, и логическую форму доказательства впервые мы встречаем у Зенона. О Пармениде С. Я. Лурье говорит, что он якобы ищет свою систему, чтобы доказать правильность старинного религиозного учения; что воспринимаемый нами мир есть только скверный сон (стр. 66). Но Парменид нигде не говорит, что чувственный мир есть только сон, он далек от такого субъективного идеализма. Парменид говорит об обманчивости данных чувственного восприятия и ищет подлинно сущего бытия. Как метафизик, он отрывает мир бытия от мира явлений, но он вовсе не ставит себе целью восстановить какую-то старинную религию, он развивает понятие материи, как таковой (абстракция материи). Заслуга Зенона—в первой попытке выразить движение в логике понятий. Элейская философия была важным шагом в развитии науки. С. Я. Лурье же дает элейской школе исключительно отрицательную оценку: Парменид—мыслитель, охваченный сильным религиозным чувством, Зенон и Мелисс опровергают огулом всю науку; аргументы Зенона незаслуженно привлекали к себе внимание ученых древнего и нового мира. Зато Анаксагора С. Я. Лурье называет «материалистом до мозга костей» (стр. 86). Между тем в учении Анаксагора об уме, как первопричине движения, явственна тенденция к идеализму.

О Сократе С. Я. Лурье высказывает ряд противоречивых суждений. То он говорит о реакционном идеалистическом мировоззрении Сократа («целью Сократа было подвести «научное» обоснование под религиозные переживания» (стр. 320), то утверждает, что у Сократа не было никаких определенных религиозно-метафизических учений (стр. 334); то он говорит о мистицизме и глубокой религиозности Сократа (стр. 319),

то утверждает, что «Сократ впервые обосновал самодовлеющую рационалистическую этику, не опирающуюся на религию и веру в загробную жизнь» (стр. 320); то он говорит, что Сократ пунктуально и добросовестно исполнял все требования государственных властей, вел себя лояльно в отношении государства; то утверждает, что Сократ был опасным врагом демократического государства, и его казнь оправдывается государственными интересами демократических Афин; то он говорит, что «Сократ относился с большим уважением к работе естествоиспытателей» (стр. 335), то говорит, что Сократ считал занятия естественными науками бесполезным делом (стр. 321).

Все подобные блуждания исследовательской мысли С. Я. Лурье вытекают из его неправильной методологической позиции. Методологические установки автора порочны именно потому, что он исходит не из марксистско-ленинских положений. Он ищет установок в далеком прошлом, в мнениях, господствовавших триста лет тому назад, и в возрождении этого далекого прошлого в новейших трудах буржуазных ученых. Методологические позиции С. Я. Лурье можно охарактеризовать как позитивизм. Это то игнорирование философии, против которого Фр. Энгельс предостерегает естествоиспытателей. Фр. Энгельс говорит, что те естествоиспытатели, которые хотя и игнорировать философию и рассматривать проблемы естествознания независимо от всякой философии, на самом деле оказываются в плену самой худшей, самой отсталой философии, «становятся рабами самых скверных вульгаризированных остатков самых скверных философских систем»¹. Так именно случилось и с С. Я. Лурье. Он поставил своей задачей рассмотреть историю конкретного научного знания в древности в отрыве от истории философии и этим обрек всю свою работу на неизбежный провал. Ибо если невозможно составить правильного представления о ходе развития нового естествознания вне связи с историей философии, как это гениально показал В. И. Ленин в своем классическом труде «Материализм и эмпириокритицизм», то тем более невысказанно без знания философии разобраться в естественно-научных теориях античности, когда естествознание еще не дифференцировалось от философии. Ведь только в свете основных идей и понятий той или иной философской системы древности может быть достигнуто верное понимание естественно-научных теорий, которые являлись тогда лишь частными моментами философских систем. Оторвать эти теории от философских систем, на почве которой они выросли,—это значит насиловать их, исказить их, отрезать себе путь от понимания их подлинного смысла.

Ввиду отмеченных нами недостатков книги С. Лурье, следует признать ошибкой напечатание ее в научно-популярной серии АН СССР. Давая неправильные методологические установки и превратные представления об учениях древних философов, она не может быть полезной для широкого круга читателей, желающих познакомиться с историей античной науки. Ее можно было бы напечатать в плане предварительных сообщений о научных работах (в дискуссионном порядке). В ней содержатся неплохие главы (о Фукидиде), имеются отдельные ценные места (например, стр. 16—17, о влиянии Гомера на мировоззрение Демокрита), отдельные интересные мысли и большой материал, к сожалению, приводимый в немарксистском освещении.

А. Маковельский

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 415.